

ББК 63.3(5Каз)-8 Гинс Г. К. + 63.3(2)53-8 Гинс Г. К.

УДК 94(574) + 94(47).08

**Г.К. Гинс об образе казахской степи
и оценке этнокультурного потенциала региона
в практике государствовоительства начала XX в. ***

М.В. Стурова, Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**G.K. Gins about the Image of the Kazakh Steppe
and Assessment of Ethno-Cultural Potential
of the Region in the Practice of State-Building
at the Beginning of the XX Century**

M.V. Sturova, D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье представлен образ этнорегиона казахской степи в интерпретации одного из представителей «активной интеграции» — чиновника Главного управления землеустройства и земледелия Г.К. Гинса. При реконструкции характерных черт образа пристальное внимание уделено месту физико-географических параметров территории и антропологических характеристик населения в авторской системе анализа. На основе работ Г.К. Гинса предпринимается попытка установления места этнических характеристик и исторически сложившихся условий бытования коренного населения Семиречья в системе имперской доктрины управления Азиатской Россией. Промежуточным итогом становится заключение о существовании в среде чиновников Переселенческого управления мнения о значимости этнокультурного потенциала для колонизационного процесса. На основе сделанных Г.К. Гинсом наблюдений формулируются выводы: характерными чертами образа обозначенной территории явились признаки цивилизационной инаковости изучаемого этноса в сравнении с государствообразующим. В основе различия находилась социальная структура кочевого общества, незначительная трансформация которого являлась логическим следствием нерационально организованного хозяйствования.

Ключевые слова: казахская степь, образ, этнокультурный потенциал, цивилизационное различие, практика государствовоительства.

The article presents the image of the Kazakh steppe in the interpretation of one of the representatives of the "active integration" G.K. Gins, the Chief official of the Main Department of Land Management and Agriculture. The author pays special attention to the physiographic parameters of the territory and the anthropological characteristics of the population in the author's system analysis. G.K. Gins works serve as the basis to establish the place of the ethnic characteristic and historical conditions of existence of the indigenous population of Semirechye in the system of the Imperial Doctrine to control Asian Russia. As the result the conclusion is made about the existence in the environment of the officials of the Resettlement Administration views on the significance of ethno-cultural potential for colonization process. On the basis of G. K. Gins observations the authors draw the following conclusions: the characteristic features of the image of the marked areas were the signs of civilizational otherness of the studied ethnic group compared to state ethnic group. The difference is based on the social structure of the nomadic society; a minor transformation of it was a logical consequence of the irrationally organized economic activity.

Keywords: Kazakh Steppe, image, ethno-cultural potential, civilizational differences, practice of state-building.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-31

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации исследовательских проектов № 15-31-01008 «Русская православная церковь в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи (XIX — начало XX в.)»; № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в.».

В современной историографии, посвященной тематике государственностроительства дореволюционной России, внимание исследователей сконцентрировано вокруг анализа практики выработки магистрального курса управления этнорегионами. При этом внимание акцентируется на интеграционной политике как сумме отдельных управленческих механизмов. Одним из ключевых источников формирования последних являлись социально-экономические и историко-этнографические исследовательские экспертизы чиновников, ученых и путешественников. Выделявшееся в отчетах своеобразие территории «степи» становилось фактором выстраивания мероприятий в строго определенном ключе. В частности, доктрина религиозной политики в отношении казахов степных областей выстраивалась на основе экспертного мнения этнографов — знатоков мусульманства [1, л. 365–401]. Гидрологический фактор (как специфика региона) послужил основой выстраивания поземельных отношений между казахами Обь-Иртышского междуречья, северных территорий казахской степи и казаками Сибирского казачьего войска, в целом определив характер межэтнических отношений инородческого и государствообразующего этносов [2].

При изучении конкретно-исторических работ по вопросам практик государственностроительства в отношении степных и центральноазиатских территорий стоит выделить два направления в центральной администрации, проводившей экспертизы. В историографии оба проявились в существовании двух разнонаправленных векторов, давших основание для фундаментальной проработки колонизационной политики империи (как способа расширения границ «внутренней империи») [3] и мер адаптации проектов модернизации иноэтничных «окраин» сообразно их этнокультурным, цивилизационным особенностям [4]. Однако выяснение степени самостоятельности последнего направления и целесообразности применения термина «национальная политика» есть не только повод для серьезной эвристической работы с источниками, но и воспроизведение ситуации дилеммы, возникшей в административных структурах имперского центра. На начало XX в. наряду с постоянно обновляющимися сведениями, получаемыми чиновниками ведомства МВД о ходе преобразований в казахской степи, намерение принимать активное участие в трансформации иноэтничных «окраин» в сторону усиления внутриструктурных имперских связей проявляли чиновники Главного управления землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ). При этом последние стремились расширить внутренние границы «Русского мира» посредством усиления «качества» влияния государствообразующего этноса. Однако методы «активной интеграции» (колонизации) предполагали первоочередную реализацию интересов переселенцев, в определенной степени наступательный характер инкорпориро-

вания. Но сам ход интеграции (не столь интенсивный) и появление неконтролируемых явлений в переселенческой практике отсылали к причинам, зависящим не только от восточно-славянского этноса. Так, к началу XX в. в группе сторонников «активной интеграции» возникла потребность в новых управленческих практиках, учитывавших «фактор непредсказуемости» (этнокультурной самодостаточности) инкорпорированных территорий. Вариантом изучения логики саморазвития иноэтничной среды стало этнографическое исследование Г.К. Гинсом казахского населения Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Работа под названием «В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью)» была опубликована в «Историческом вестнике» в 1913 г. Она представляла собой издание, вышедшее в печать после поездки по Туркестану в 1909 г. Г.К. Гинса, командированного от Переселенческого управления (см. подробнее: [5]).

Целью данного исследования является выделение характерных черт образа казахских степей и свойств коренного населения в восприятии Георгия Константиновича Гинса, одного из сторонников «активной интеграции» (колонизации), и исследовательская критика его оценки этнокультурного потенциала региона.

Работа Г.К. Гинса «В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью)» относится к числу историко-аналитических, опубликованных им после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1909 г.). В период 1909–1913 гг. Г.К. Гинс служил в ведомстве сначала Министерства юстиции, затем — ГУЗиЗ. Одновременно им изучались вопросы водного права в Туркестане, а также иностранное колонизационное законодательство. Практический выход эти исследования нашли в карьере чиновника при Переселенческом управлении и вместе с тем ученого — в публикации экспертных мнений в виде очерков «Переселение и колонизация» (два выпуска), в статье «Колонии и колонизация» [5, 6]. В историографии постсоветского периода внимание специалистов в большей степени приковано к его наследию в области юриспруденции и политологии (см., например: [7, с. 91–98; 8, с. 18–21]). Применительно к исторической науке освещен скорее вклад Георгия Константиновича в изучение Гражданской войны и деятельности белой эмиграции за рубежом. Исключением стала работа А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой, однако и в ней исследовательской экспертизе Г.К. Гинса не уделено достаточно внимания [3, с. 43]. Таким образом, отсутствие подробного анализа экспертных оценок Г.К. Гинса и слабая изученность проблематики формирования и ретрансляции образа казахской степи как основы управленческих практик имперского периода в своей совокупности заслуживают специального рассмотрения.

Отметив с иронией в самом начале своего труда стереотипы восприятия («полудикий в массе, младенческий, наивный народ, не лишенный хитрости, но не коварный, часто жестокий, <...> несомненно законопослушный и уважающий власть, хотя и упрямый и свободолюбимый» [9, с. 285]), Г.К. Гинс взял на себя задачу в большей степени научного (с точки зрения прикладного характера) анализа «необозримых пространств киргизских степей», занимавших «свыше пятидесяти тысяч квадратных миль» [9, с. 285]. Восприятие Г.К. Гинсом физико-географических особенностей казахской степи детерминировано его непосредственным служебным заданием — оценкой переселенческого потенциала Семиречья. Изначально обратила на себя внимание чиновника обширность территории, использовавшейся автохтонным населением для кочевого скотоводства. Характерной чертой образа казахской степи также являлись экстремальные условия хозяйственной деятельности [9, с. 294].

Наряду с отсутствием обилия точных физико-географических описаний территории в работе эксперта не содержится и подробной антропологической и этнографической характеристики коренного населения Семиречья (за исключением визуализации облика казахского населения, рис. 1, 2). Вместе с тем ценность этнографического материала, представленного Г.К. Гинсом, заключается в демонстрации цивилизационных различий между представителем «прогрессивной» имперской администрации и автохтонным населением с его традиционным укладом хозяйственной жизни и социальной структурой кочевого общества. Чиновнику не удалось избежать устоявшихся, традиционных норм восприятия, результатом чего стало формирование образа казахской степи, где главными чертами явились признаки чуждости и цивилизационной инаковости. Усиливала акцент авторской оценки характеристика социального облика автохтонного населения «степи» с ярко прослеживавшейся негативной конно-

Рис. 1. «Типы киргизов», представленные Г.К. Гинсом на страницах этнографического очерка «В киргизских аулах», опубликованного в 1913 г. [9, с. 293]

тацией («ленивые киргизы», «бездеятельные», женщины у них — «истинные рабыни», «бейбише», «племенная вражда» [9, с. 286, 290, 305], рис. 3). Именно это свойство в контексте демонстрации слабых признаков интеграции явилось преобладающей чертой образа казахской степи: «Съезды народных судей и судьи в отдельности нередко пользуются своей властью, чтобы обвинять нежелательных им лиц в фиктивных преступлениях <...>. Интересное и поучительное зрелище, воочию представляющее «достоинство» выборной системы у некультурного населения. Сколько жестокости, лжи, подлогов вызывают эти выборы» [9, с. 295, 302].

Рис. 2. «Типы киргизок» по Г.К. Гинсу. Фотоматериал 1909 г., представленный в работе «В киргизских аулах» [9, с. 297]

Рис. 3. «Нищий киргиз» — социальный облик населения, визуализированный Г.К. Гинсом в работе «В киргизских аулах», фотоматериал 1909 г. [9, с. 313]

Причину столь укоренившейся инородческой инаковости Г.К. Гинс усматривал в экономической нерациональности ведения хозяйства: «Родовая связь киргизов Семиреченской области довольно сильна <...>. При неразвитости земледелия, которое носит второстепенный подсобный характер, кормиться самостоятельным трудом негде, создается экономическая зависимость от старших: они дают лошадей, дают скот» [9, с. 295]. Залогом сохранения традиционного уклада общества являлась именно хозяйственная жизнь: «И вот юрта родоначальника остается в центре, а юрты других ставятся вокруг нея. Чем родовитее человек, тем больше у него влияния. <...> Когда какой-либо род побеждает на выборах, а это нередко обусловлено всевозможными ухищрениями: подкупом писаря, фиктивным исчислением кибиток — тогда побежденному роду приходится солоно» [9, с. 295].

Обозначенные Г.К. Гинсом этнокультурные особенности, сформировавшиеся под воздействием характерного способа хозяйствования, представляли собой этнокультурный потенциал для складывания определенной управленческой практики (с учетом обособленности казахского общества, определенной инертности к восприятию интеграционных мероприятий). Генезис управленческой доктрины был напрямую связан с образом региона, требовавшего, по мнению «модераторов» колонизации, изменений, которые вправе была провести центральная власть. Основанием служили характеристики нерациональности хозяйствования, приведенные Г.К. Гинсом: «Мы углубились довольно далеко в Приилийскую равнину. С пригорка открывались огромные пространства, поросшие чием и другими характерными для степи травами. Посевы занимают ничтожную часть этого пространства, и грустно видеть, как половина этих посевов гибнет от безводья, как много земли с системой заброшенных поливных канав (арыков) остается без посевов потому, что не хватает воды, которую неразумно тратят другие <...>. Но кое-где торчат вехи топографов. Производится съемка и вехи напоминают о том, что кто-то думает об этой земле, а маленькие флаги на этих вехах говорят о будущей победе культуры» [9, с. 288].

По мере усиления процессов интеграции появлялись признаки прогрессивного движения, а образ в своих отдельных чертах обретал рациональные и обоснованные свойства: «В некоторых местах равнины темнеют небольшими пятнами киргизские сады. Сады эти — просто ряд или группа деревьев, насаженных у пашни или зимовки. Как первобытны и пашни эти, и зимовки, и сады. Но надо тут же заметить, что не спит уже степь мертвым сном. Смутную тревогу поселили в детях степи вышки царских чиновников и уже там и сям появляются прозорливые киргизы, которые не из нужды, а из расчета меняют белоснежные горы на темную каштановую равнину.

И у этих киргизов уже не случайные и бессистемные запашки, а правильно, хорошо и сознательно поставленное сельское хозяйство с пшеницею на первом плане, с хуторами, с домиками вместо юрт и с настоящими фруктовыми садами возле жилищ» [9, с. 288].

Некоторая часть казахского населения оказалась восприимчивой к логике аккультурации. В качестве соответствующего свидетельства Г.К. Гинс привел свое знакомство с «прогрессивным» казахом Бильдебайем: «Бильдебай образцовый хозяин и влиятельный человек. Он знает самоучкой русскую грамоту и много русских слов. Он прекрасный охотник, знающий и любящий свое дело, садовод и у него на хуторе, кроме двадцати десятин хлеба, еще пять десятин сада. „Глуп, — говорит он, — киргиз, который сидит со своими баранами и не чувствует, что земля выходит из его рук. Только в земле верное богатство. Я лишний рубль не истрочу на скотину, а куплю себе новые деревья для сада. Мои соседи «цыкают» и смеются надо мною, но они после увидят, кто был прав“» [9, с. 288]. Нерациональное хозяйствование казахов, по мнению Г.К. Гинса, лишь усиливало интенсивность колонизационных процессов, подводя под них основу осознанной целесообразности: «Справедливость требует сказать, в массе, что земледельческое хозяйство киргизов стоит ниже, чем у прочего населения, и что разбросанные клочьями бессистемные киргизские пашни безжалостно дробят крупный земельный запас, так что без смещения киргизов невозможно правильное заселение земель. Но справедливость требует и другого — благожелательного и разумного земельного вознаграждения смещенных. Семиречье обладает ограниченным запасом земель, которые были бы пригодны для земледелия без крупных затрат на осушение и орошение. Семиречье резко отличается характером своей поверхности от однообразных степных областей и потому здесь смещение киргизов бывает опасно и жестоко по своим последствиям. Необходимо поэтому скорейшее издание закона о землеустройстве семиреченских киргизов, а еще лучше — о землеустройстве всех туземцев и старожилых, чтоб дело колонизации прочно покоилось на нормальном развитии всего населения и чтоб колонизация проходила мирно, без темных пятен насилия и обид» [9, с. 290].

Делая заключение по результатам анализа характеристик, данных Г.К. Гинсом в оценке переселенческого потенциала казахской степи, следует отметить, что в сложившемся по итогу образе региона этот потенциал был тесно взаимосвязан с этнокультурным. При этом доминантами образа этнорегиона явились социальный облик с его цивилизационной чуждостью представителю имперской администрации и экономическая нерациональность хозяйственной деятельности. Профессиональный подход чиновника Переселенческого управления обусловил

направление экспертизы — установление степени интегрированности территории в имперское пространство и выяснение целесообразности усиления «имперского компонента» (как основание для «активной интеграции», колонизации). Вместе с выполненным заданием Г.К. Гинсу удалось также провести самостоятельное исследование, в ходе которого экс-

пертом был сделан нетипичный для профессиональной среды шаг: им были уяснены внутренние законы развития автохтонного населения. Работа Г.К. Гинса — свидетельство первого этапа «обратной» адаптации, т.е. корригирования главного вектора «активной интеграции» согласно особенностям инкорпорируемой территории.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив. — Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 566.
2. Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII — начале XX в. (на примере русского и казахского этносов). — Барнаул, 2013.
3. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX в. : моногр. — Омск, 2013.
4. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : моногр. — Барнаул, 2014.
5. Гинс Георгий Константинович: Биографический указатель // Интернет-сайт «Хронос» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gins_gk.php — дата обращения — 04.10.2015.
6. Петин Д.И. Г.К. Гинс: жизнь и деятельность политика, учёного и эмигранта (по документам личного дела из картотеки БРЭМ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://iaoo.ru/note173.html> — дата обращения — 04.10.2015.
7. Алексеев Д.Ю. Г.К. Гинс — основоположник российского солидаризма // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. — 2009. — № 2.
8. Пономарева В.П. Правовые взгляды Г.К. Гинса // История государства и права. — 2013. — № 7.
9. Гинс Г.К. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. — [Б.м.], 1913.